

FOUR-LEVEL METHODOLOGICAL MODEL FOR ANALYZING CONCEPTUAL METAPHORS IN SOCIOLECTS

Marks Kamilzhanovich Abdullaev

Basic doctoral student

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan

cazador@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1236-7542>

<https://doi.org/10.36078/1767726138>

Abstract. Research on conceptual metaphors in socially-marked language varieties faces methodological challenges related to the absence of a systematic approach for analyzing deep mechanisms of metaphor formation. Existing methodologies either limit themselves to superficial linguistic description or remain at the level of abstract cognitive schemas without demonstrating pathways to their linguistic realization. This article presents an original four-level methodological model developed for comprehensive analysis of metaphorical structures in sociolects. The model integrates four interconnected research levels: archetypal (universal cognitive constants), mental models level (culturally-conditioned categorization schemas), conceptual metaphors level (cross-conceptual mappings), and lexical units level (specific linguistic realizations). The research aims to demonstrate the effectiveness of integrative methodology in comparative analysis of Spanish and Russian youth slang. The empirical base consisted of a corpus of 4199 slang units extracted from verified lexicographic sources. Methods employed included archetypal analysis, conceptual modeling, componential and comparative analysis, and statistical verification using SPSS. Results revealed 9 universal archetypal structures (60 % of the total), which constitute the basic level of metaphorical systems in both languages. Anthropomorphic mechanisms of metaphorization were found to dominate (64.0 % in Russian and in Spanish slang). Regression analysis showed that three factors — cultural recognizability of images, language, and archetypal status — explain 63.2 % of the variance in metaphor usage frequency. The model ensures systematic transition from universal cognitive foundations to culturally-specific linguistic forms, opening prospects for metaphor research in various discourse types and sociolects. Practical significance is determined by the applicability of results in lexicography, translation studies, foreign language teaching, and development of natural language processing systems.

Keywords: cognitive linguistics; conceptual metaphor; sociolect; archetypal analysis; methodology; mental models; slang.

ЧЕТЫРЕХУРОВНЕВАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В СОЦИОЛЕКТАХ

Маркс Камилжанович Абдуллаев

Базовый докторант

*Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. Исследование концептуальных метафор в социально-маркированных разновидностях языка сталкивается с методологическими трудностями, связанными с отсутствием системного подхода к анализу глубинных механизмов метафорообразования. Существующие методики либо ограничиваются поверхностным лингвистическим описанием, либо остаются на уровне абстрактных когнитивных схем, не демонстрируя путей их языковой реализации. Данная статья представляет авторскую четырехуровневую методологическую модель, разработанную для комплексного анализа метафорических структур в социолектах. Модель интегрирует четыре взаимосвязанных уровня исследования: архетипический (универсальные когнитивные константы), уровень ментальных моделей (культурно-обусловленные схемы категоризации), уровень концептуальных метафор (межконцептные проекции) и уровень лексических единиц (конкретные языковые реализации). Целью исследования выступает демонстрация эффективности интегративной методологии при сопоставительном анализе испанского и русского молодежного сленга. Эмпирическую базу составил корпус из 4199 сленговых единиц, извлеченных из верифицированных лексикографических источников. Применялись методы архетипического анализа, концептуального моделирования, компонентного и сопоставительного анализа, статистической верификации средствами SPSS. Результаты выявили 9 универсальных архетипических структур (60 % от общего числа), которые составляют базовый уровень метафорических систем обоих языков. Установлено доминирование антропоморфных механизмов метафоризации (64,0 % в русском и в испанском сленге). Регрессионный анализ показал, что три фактора — культурная узнаваемость образа, язык и архетипический статус — объясняют 63,2 % дисперсии частотности использования метафор. Модель обеспечивает системный переход от универсальных когнитивных оснований к культурно-специфическим языковым формам, что открывает перспективы для исследования метафор в различных типах дискурса и социолектов. Практическая значимость

определяется применимостью результатов в лексикографии, переводоведении, преподавании иностранных языков и разработке систем обработки естественного языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концептуальная метафора; социолект; архетипический анализ; методология; ментальные модели; сленг.

Введение

Современная лингвистика демонстрирует устойчивый интерес к изучению концептуальных метафор как фундаментального механизма человеческого мышления и языковой концептуализации. С момента выхода революционной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф 2004] метафора перестала рассматриваться исключительно как риторическое украшение речи и получила статус базового когнитивного инструмента освоения действительности. Согласно теории концептуальной метафоры, человек познает абстрактные сущности через более конкретный телесный и социальный опыт, что приводит к формированию систематических метафорических проекций одной концептуальной области на другую.

Однако применительно к социально-маркированным разновидностям языка, таким как молодежный сленг, профессиональные жаргоны и иные социолекты, методология исследования концептуальных метафор остается недостаточно разработанной. Существующие подходы демонстрируют ряд существенных ограничений. Во-первых, традиционные лингвистические методики зачастую фокусируются на поверхностном описании метафорических номинаций, не выходя на уровень глубинных когнитивных структур, которые лежат в их основе [Чудинов 2001: 8]. Во-вторых, собственно когнитивные исследования нередко остаются на уровне абстрактных концептуальных схем, не демонстрируя конкретных механизмов их реализации в языковых формах, что отмечается, в частности А. Н. Барановым, указывающим на недостаточную разработанность вопросов языковой сочетаемости и текстового функционирования метафорических моделей [Баранов 2003: 4–6]. В-третьих, при сопоставительном анализе метафор в различных лингвокультурах отсутствует чётко разработанная методологическая база, позволяющая последовательно разграничивать универсальные и культурно-специфические компоненты метафорических систем, что неоднократно подчёркивается в работах З. Кёвечеса [Kövecses 2005: 4–9].

Особую значимость данная проблематика приобретает при исследовании социолектов. Социально-маркированная лексика, будучи

освобожденной от нормативных ограничений литературного языка, демонстрирует наиболее креативные и динамичные формы метафорического мышления [Грачев 2006; Елистратов 2000]. Сленг как субкультурный феномен создает альтернативные способы концептуализации действительности, отражающие специфику группового сознания, ценностных ориентаций и эмоционально-оценочного отношения к миру [Мокиенко 2003]. При этом именно в сленге метафорическое смыслообразование протекает наиболее интенсивно, что делает его идеальной «лабораторией» для изучения когнитивных механизмов метафоризации.

Проблема, таким образом, заключается в необходимости разработки интегративной методологической модели, которая позволила бы системно исследовать концептуальные метафоры в социолектах на всех уровнях их организации — от глубинных архетипических структур до конкретных лексических реализаций. Такая модель должна обеспечивать, с одной стороны, выявление универсальных когнитивных оснований метафорообразования, с другой — экспликацию культурно-специфических механизмов, определяющих национальное своеобразие метафорических систем.

Теоретическую основу исследования метафор составляют работы представителей когнитивного направления в лингвистике. Фундаментальный вклад в понимание природы концептуальной метафоры внесли Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф 2004], продемонстрировавшие, что метафора является не языковым феноменом, а способом мышления, укорененным в телесном опыте человека. Развитие этих идей представлено в работах З. Кёвечеша [Kövecses 2005], показавшего культурную вариативность метафорических систем при сохранении их общих когнитивных оснований. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier 1998] предложила модель блендинга как механизма создания новых метафорических смыслов через взаимодействие ментальных пространств.

В русскоязычной лингвистике когнитивный подход к метафоре разработан в трудах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], рассматривавшей метафору как ментальную операцию и способ концептуализации действительности. В. Н. Телия [Телия 1988] исследовала метафору как модель смыслопроизводства с акцентом на её экспрессивно-оценочную функцию. А. Н. Баранов [Баранов 2003] разработал типологию сочетаемости метафорических моделей. А. П. Чудинов [Чудинов 2001] применил методологию метафорического моделирования к анализу политического дискурса, продемонстрировав эвристический потенциал когнитивного подхода.

Когнитивные основы концептуализации и категоризации разработаны в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004] и Н. Н. Болдырева [Болдырев 2014]. Лингвокультурологический подход представлен исследованиями В. А. Масловой [Маслова 2001], В. И. Карасика [Карасик 2002], В. В. Красных [Красных 2002] и Ю. Н. Караулова [Караулов 2003], акцентирующих культурную детерминацию языковых явлений и роль метафоры как кода культуры.

Исследования социолектов и сленга проводились В.С. Елистратовым [Елистратов 2000], М.А. Грачевым [Грачев 2006], Т.Г. Никитиной и В.М. Мокиенко [Мокиенко 2003]. В испанской традиции выделяются работы Х. Санмартин Саэс [Sanmartín Sáez 1998] и М.Л. Регейро Родригес [Regueiro Rodríguez 2023] по молодежному сленгу. Вклад узбекских ученых представлен работами Д.У. Ашуровой [Ашурова 2013], Г.Х. Нарбаевой [Нарбаева 2024] по метафорической концептуализации в сопоставительном аспекте.

Современные исследования последних лет демонстрируют расширение проблематики. Л.Г. Юсупова [Юсупова 2023] исследует антропоморфные концептуальные метафоры как модели образного переноса. Работы по сопоставительному анализу метафор в разных языках показывают как универсальность базовых когнитивных механизмов, так и культурную специфику их реализации.

Однако, несмотря на значительные достижения в изучении концептуальной метафоры, до настоящего времени не проводились комплексные исследования, которые интегрировали бы архетипический анализ, теорию ментальных моделей, концептуальное моделирование и статистическую верификацию применительно к социолектам. Именно эта лакуна определяет актуальность разработки системной четырехуровневой методологической модели.

Целью данного исследования является разработка и апробация четырехуровневой методологической модели анализа концептуальных метафор в социолектах на материале испанского и русского молодежного сленга.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи:**

- 1) обосновать теоретические основания четырехуровневой модели анализа, интегрирующей архетипический, ментально-модельный, концептуально-метафорический и лексико-семантический уровни;
- 2) разработать операциональные процедуры и критерии для каждого уровня модели;

- 3) апробировать модель на массиве данных испанского и русского молодежного сленга объемом 4199 единиц;
- 4) провести статистическую верификацию результатов с использованием регрессионного и дисперсионного анализа;
- 5) определить соотношение универсальных и культурно-специфических компонентов в метафорических системах исследуемых языков;
- 6) выявить типологию механизмов метафоризации в социолектах;
- 7) продемонстрировать эффективность модели для сопоставительного исследования метафор в разных лингвокультурах.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями. Впервые разработана четырехуровневая методологическая модель, обеспечивающая системный переход от универсальных архетипических структур через культурно-обусловленные ментальные модели и концептуальные метафоры к конкретным лексическим реализациям в социолектах. Введено понятие социолектной концептуальной метафоры как особого типа метафоры, характеризующегося социальной маркированностью, экспрессивной насыщенностью, альтернативностью концептуализации и временной ограниченностью функционирования. Создана комплексная типология лингвокультурных механизмов метафоризации с выявлением доминирования антропоморфных механизмов. Установлены универсальные закономерности функционирования концептуальных метафор в социолектах и культурно-специфические различия между русской и испанской лингвокультурами.

Теоретическая часть. Концептуальная основа четырехуровневой модели

Разработанная методологическая модель базируется на интеграции нескольких теоретических направлений, каждое из которых вносит специфический вклад в понимание природы и механизмов метафорической концептуализации.

Когнитивный подход к метафоре, представленный в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф 2004], составляет фундаментальную основу модели. Центральный тезис теории концептуальной метафоры утверждает, что метафора есть не языковое явление, а способ мышления: мы мыслим метафорами, структурируя абстрактные концептуальные области через более конкретный телесный и социальный опыт. Концептуальная метафора представляет

собой систематическое отображение (mapping) одной концептуальной области (источника) на другую (цели), при этом структура области-источника проецируется на область-цель. Например, за многочисленными языковыми выражениями типа *жизненный путь, зашел в тупик, сбиться с пути* стоит единая концептуальная метафора ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ.

Теория концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier 1998] дополняет модель пониманием механизмов создания новых метафорических смыслов. Согласно этой теории, метафорическая концептуализация осуществляется через взаимодействие ментальных пространств: элементы двух или более входных пространств проецируются в смешанное пространство (бленд), где возникает новая структура, обладающая эмерджентными свойствами. Эта теория особенно продуктивна для объяснения инновационных метафор в сленге, где креативность метафорообразования достигает максимальной интенсивности.

Культурная вариативность метафорических систем, продемонстрированная З. Кёвечешем [Kövecses 2005], определяет лингвокультурологический компонент модели. Кёвечеш показал, что при наличии универсальных концептуальных метафор, обусловленных общностью телесного опыта, конкретная реализация этих метафор варьируется в зависимости от культурного контекста. Факторами культурной вариативности выступают социальные институты, система ценностей, исторический опыт, природное окружение, религиозные представления. Например, универсальная метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ В СОСУДЕ реализуется через разные образы в разных культурах в зависимости от того, какие именно сосуды и жидкости культурно значимы.

Архетипический подход, восходящий к идеям К. Г. Юнга [Юнг 2019], вводит в модель наиболее глубокий уровень анализа. Архетипы как универсальные структуры коллективного бессознательного проявляются в языке через повторяющиеся образные схемы и символы. Применительно к метафорам архетипический подход позволяет выявить древнейшие пласты образности, укорененные в общечеловеческом опыте: архетипы Пути, Битвы, Трансформации, Границы и другие [Bailey 2014]. Архетипический анализ объясняет, почему определенные метафорические модели оказываются продуктивными во множестве неродственных языков: они апеллируют к универсальным структурам человеческого сознания.

В рамках теории ментальных моделей, разработанной в когнитивной психологии [Johnson-Laird 1983], и концепций когнитивного

моделирования в лингвистике [Болдырев 2014; Кубрякова 2004] ментальные модели занимают промежуточное положение между архетипами и концептуальными метафорами. Ментальные модели представляют собой культурно-обусловленные схемы категоризации и интерпретации опыта. Они конкретизируют архетипические структуры применительно к специфическим условиям жизни данного сообщества. Например, архетип Пути может преломляться через ментальную модель «жизнь как преодоление препятствий» (характерную для культур с суровыми природными условиями) или «жизнь как приключение» (типичную для культур с ценностью новизны и риска).

Лингвокультурологический подход [Маслова 2001; Красных 2002] акцентирует культурную детерминацию языковых явлений. Метафора рассматривается как код культуры, через который «зашифрована» система ценностей, стереотипов, норм и моделей поведения. Лингвокультурологический анализ метафор предполагает выявление культурных концептов и культурно значимых смыслов, стоящих за метафорическими номинациями. Особое значение этот подход имеет при сопоставительном исследовании, поскольку позволяет эксплицировать культурную специфику метафорических систем разных языков.

Структура и логика четырехуровневой модели. Предлагаемая модель имеет иерархическую организацию, включающую четыре взаимосвязанных уровня анализа. Каждый уровень характеризуется специфическими единицами анализа, процедурами и результатами.

Первый уровень — архетипический — направлен на выявление универсальных когнитивных структур, лежащих в основе метафорических систем. Единицами анализа на этом уровне выступают архетипические образы и символы. Процедура анализа включает семантическую декомпозицию метафор, идентификацию базовых образных схем, соотнесение их с каталогом универсальных архетипов. Результатом является инвентарь архетипических структур, представленных в метафорической системе исследуемого социолекта, с указанием степени их универсальности.

Второй уровень — ментальных моделей — фокусируется на культурно обусловленных схемах категоризации. Единицами анализа являются ментальные модели как стабильные конфигурации концептов, отражающие специфику миропонимания данного лингвокультурного сообщества. Процедура предполагает реконструкцию ментальных моделей через анализ системных связей между метафорами, выявление культурно значимых ассоциаций, определение ценностных доминант.

Результат — типология ментальных моделей с экспликацией их культурной специфики.

Третий уровень — концептуальных метафор — направлен на выявление систематических межконцептных проекций. Единицы анализа — концептуальные метафоры как регулярные отображения структуры области-источника на область-цель. Процедура включает выявление области-источника и области-цели, определение элементов проекции, построение структуры метафорической модели. Результат — система концептуальных метафор с указанием типа проекции и степени продуктивности каждой модели.

Четвертый уровень — лексических реализаций — обращен к конкретным языковым формам воплощения метафор. Единицы анализа — сленговые лексемы и фразеологизмы с метафорическим значением. Процедура предполагает компонентный анализ значения, выявление механизмов метафорического переноса, определение прагматических функций. Результат — описание семантической структуры метафорических номинаций с экспликацией механизмов их формирования.

Важнейшей характеристикой модели является её двунаправленность. С одной стороны, возможно дедуктивное движение от архетипов через ментальные модели и концептуальные метафоры к языковым формам. Это направление анализа позволяет предсказывать возможные метафорические реализации, исходя из архетипических структур и ментальных моделей данной культуры. С другой стороны, возможно индуктивное восхождение от эмпирического материала (сленговых единиц) через реконструкцию концептуальных метафор и ментальных моделей к архетипическим структурам. Это направление обеспечивает эмпирическую обоснованность теоретических построений.

Понятие социолектной концептуальной метафоры. В рамках предлагаемой модели вводится понятие социолектной концептуальной метафоры как особого типа метафоры, функционирующей в социально маркированной разновидности языка. Социолектная метафора характеризуется рядом специфических параметров, отличающих её от общеязыковых концептуальных метафор.

Во-первых, социальная маркированность: метафора является показателем принадлежности говорящего к определенной социальной группе, выполняя функцию групповой идентификации. Использование социолектных метафор сигнализирует о членстве в субкультуре и знании её кодов.

Во-вторых, экспрессивная насыщенность: социолектные метафоры обладают повышенной эмоционально-оценочной нагруженностью,

служа средством интенсификации выражения отношения к обозначаемому. Экспрессивность может реализоваться через гиперболизацию, игровой характер номинации, нарушение семантической сочетаемости.

В-третьих, альтернативность концептуализации: социолектные метафоры создают способы категоризации действительности, альтернативные тем, что представлены в литературном языке. Они предлагают иную перспективу осмысления явлений, часто девиантную по отношению к общепринятым нормам.

В-четвертых, временная ограниченность: в отличие от стабильных общеязыковых метафор, социолектные метафоры характеризуются коротким жизненным циклом (в среднем 5–7 лет для молодежного сленга), быстро устаревая и заменяясь новыми номинациями.

В-пятых, динамичность обновления: метафорический фонд социолектов постоянно обновляется, отражая изменения в жизни субкультуры, появление новых реалий, смену ценностных ориентаций.

Эти параметры определяют специфику методологии исследования социолектных метафор, требующей учета не только когнитивных механизмов метафоризации, но и социолингвистических факторов, прагматических функций, динамических процессов в социолектах.

Материал и методология исследования. Эмпирическую основу исследования составил корпус метафорических единиц испанского и русского молодежного сленга общим объемом 4199 лексем. Материал извлекался методом сплошной выборки из верифицированных лексикографических источников, включающих как академические словари субстандартной лексики [Елистратов 2000; Sanmartín Sáez 1998], так и специализированные словари молодежного жаргона [Грачев 2006; Мокиенко 2003; Regueiro Rodríguez 2023].

Для испанского языка анализировались как иберийский вариант, так и основные латиноамериканские варианты (мексиканский, аргентинский, кубинский, перуанский, чилийский). Такой широкий охват позволил выявить не только общеиспанские метафорические модели, но и региональную специфику, обусловленную влиянием индейских языков и культур, особенностями исторического развития, природного окружения.

Критерии отбора материала включали: устойчивую фиксацию единицы минимум в двух независимых источниках (обеспечение надежности данных), принадлежность к актуальному словарному составу молодежного сленга (исключение архаизмов и устаревших номинаций), наличие метафорического переноса в семантике (исключение прямых

номинаций), принадлежность к молодежному дискурсу (возрастная группа 15–30 лет).

Процедура сбора данных включала несколько этапов. На первом этапе осуществлялась сплошная выборка метафорических единиц из словарных источников с фиксацией всех имеющихся сведений (семантика, стилистические пометы, примеры употребления, региональная принадлежность). На втором этапе проводилась верификация данных путем сопоставления информации из различных источников, исключения дублетов, снятия омонимии. На третьем этапе материал подвергался первичной классификации по концептуальным областям-источникам в соответствии с пятитипной типологией лингвокультурных механизмов метафоризации.

Методология исследования носит интегративный характер, объединяя качественные и количественные методы анализа. Комплексное применение различных методов обеспечивает триангуляцию данных и повышает надежность результатов.

Архетипический анализ представляет собой авторскую методику, разработанную на основе концепции К.Г. Юнга и адаптированную для лингвистического исследования. Процедура архетипического анализа включает следующие шаги. Первый шаг — семантическая декомпозиция метафоры с выделением образного компонента и определением буквального значения области-источника. Второй шаг — идентификация базовой образной схемы, лежащей в основе метафорического переноса (например, схемы ВМЕСТИЛИЩА, ПУТИ, БАЛАНСА, ЦИКЛА). Третий шаг — соотнесение выявленной образной схемы с каталогом архетипов, который был разработан на основе работ ученых К. Г. Юнга, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла. Четвертый шаг — определение степени универсальности архетипа через сопоставление его представленности в обоих языках.

Метод концептуального моделирования применялся для реконструкции концептуальных метафор, стоящих за отдельными лексическими реализациями. Процедура включает анализ систематических соответствий между областью-источником и областью-целью, выявление элементов проекции, построение структуры метафорической модели в формате «X ЭТО Y». Например, анализ группы метафор *estar frito* (букв. быть жареным), *estar cocido* (букв. быть вареным), *estar hecho polvo* (букв. быть превращенным в пыль) позволяет реконструировать концептуальную метафору УСТАЛОСТЬ — ЭТО ТЕРМИЧЕСКАЯ/ФИЗИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА с систематическим отображением: человек → обрабатываемый материал,

усталость → результат обработки, интенсивность усталости → степень обработки.

Компонентный анализ использовался для выявления семантической структуры метафорических номинаций. Каждая лексема подвергалась семантической декомпозиции с выделением денотативных, коннотативных и прагматических компонентов значения. Определялось прямое (исходное) значение области-источника, метафорическое значение в социолекте, основание метафорического переноса (общий признак, связывающий область-источник и область-цель), экспрессивно-оценочная окраска, прагматические функции.

Сопоставительный анализ осуществлялся на всех четырех уровнях модели. На архетипическом уровне сопоставлялись инвентари архетипов, представленных в обоих языках, с выделением универсальных и культурно-специфических структур. На уровне ментальных моделей сопоставлялись способы структурирования концептуальных областей, культурные ассоциации, ценностные ориентации. На уровне концептуальных метафор выявлялись полные эквиваленты (метафоры, идентичные по концептуальной структуре и образному наполнению), частичные эквиваленты (метафоры с общей концептуальной структурой, но различающиеся образным наполнением), безэквивалентные метафоры (специфичные для одного языка).

Статистическая верификация результатов проводилась средствами программного пакета SPSS версии 26.0. Применялись следующие статистические процедуры. Дескриптивная статистика использовалась для расчета частотных распределений, процентных соотношений, мер центральной тенденции и вариативности. Дисперсионный анализ (ANOVA) применялся для выявления факторов, оказывающих значимое влияние на частотность использования метафор различных типов. Регрессионный анализ (множественная линейная регрессия) использовался для оценки предсказательной силы модели и определения вклада отдельных факторов (культурная узнаваемость образа, язык, архетипический статус) в объяснение дисперсии зависимой переменной (частотность использования метафоры). Факторный анализ применялся для выявления латентных структур в данных и редукции размерности признакового пространства.

Статистическая значимость различий оценивалась с использованием параметрического t-критерия Стьюдента (при нормальном распределении данных) и непараметрического U-критерия Манна-Уитни (при отклонении от нормальности). Для анализа категориальных данных и сравнения распределений применялся критерий хи-квадрат

Пирсона (χ^2). Уровень значимости устанавливался $\alpha = 0,05$. Величина эффекта оценивалась с помощью d-критерия Коэна для определения практической значимости выявленных различий.

Триангуляция данных осуществлялась в соответствии с методологией У. Флика [Flick 2018] и включала сопоставление результатов, полученных различными методами. Конвергенция качественных и количественных данных рассматривалась как критерий валидности выводов. Воспроизводимость результатов проверялась на независимых подвыборках материала.

Результаты исследования. Архетипический уровень: универсальные и культурно-специфические структуры

Применение архетипического анализа к корпусу испанского и русского сленга позволило выявить 15 архетипических структур, лежащих в основе сленговых метафор. Из них 9 архетипов (60 %) оказались универсальными, то есть представленными в обоих языках с высокой степенью продуктивности, в то время как 6 архетипов (40 %) продемонстрировали культурную специфику.

Универсальные архетипы (9 структур):

1. Архетип Пространства (верх–низ) — вертикальная телесная ориентация. Русские примеры: *крыша поехала, подняться*. Испанские примеры: *estar en las nubes, caer en la real*.
2. Архетип Пространства (контейнер) — телесная граница и внутренность. Русские примеры: *выйти из себя, в натуре*. Испанские примеры: *salirse de casillas, estar en onda*.
3. Архетип Времени (путь) — линейная прогрессия. Русские примеры: *от судьбы не уйдёшь*. Испанские примеры: *a la larga, hacer camino*.
4. Архетип Времени (цикл) — циклические природные ритмы. Русские примеры: *что было, то прошло*. Испанские примеры: *otra vez lo mismo*.
5. Архетип Телесности (голова) — голова как центр сознания. Русские примеры: *голова не варит, терять голову*. Испанские примеры: *perder la cabeza*.
6. Архетип Телесности (конечности) — конечности как инструменты. Русские примеры: *криворукий*. Испанские примеры: *meter la pata*.
7. Архетип Природы (животные) — животное поведение. Русские примеры: *белая ворона*. Испанские примеры: *ser un gallina*.

8. Архетип Природы (растения) — растительные характеристики. Русские примеры: *дуб дубом, молодо-зелено*. Испанские примеры: *no me importa un pepino, estar verde*.

9. Архетип Природы (стихии) — природные явления. Русские примеры: *на улице жесть*. Испанские примеры: *está cayendo la del pulpo*.

Культурно-специфические архетипы:

для русского сленга характерны 4 архетипа:

1. Архетип ДОРОГИ (путь/дорога) — жизненный путь как движение. Примеры: *дорога дальняя, сбиться с пути, идти своей дорогой, на дороге встретимся*. Частотность: 4,1 % корпуса; культурная узнаваемость: 89 %.

2. Архетип ДОМА (пространство) — защищенность, укоренённость. Примеры: *под крышей, хата родная, прикрытие*. Частотность: 3,8 %; культурная узнаваемость: 91 %.

3. Архетип ВОЛИ (свобода) — внутренняя сила, самоопределение. Примеры: *по своей воле, выпендриваться, дать волю*. Частотность: 3,2 %; культурная узнаваемость: 78 %.

4. Архетип СУДЬБЫ (предназначение) — фатализм, предопределённость. Примеры: *от судьбы не уйдёшь, судьба-злодейка, сука-судьба*. Частотность: 2,9 %; культурная узнаваемость: 84 %.

для испанского сленга специфичны 4 архетипа:

1. Архетип ЧЕСТИ (Достоинство) — социальный статус, благородство. Примеры: *por honor, defender su reputación, tener dignidad*. Частотность: 3,8 %; культурная узнаваемость: 86 %.

2. Архетип СТРАСТИ (Эмоция) — эмоциональная экспрессивность. Примеры: *con pasión, estar caliente, zafarse*. Частотность: 4,2 %; культурная узнаваемость: 90 %.

3. Архетип СМЕРТИ (Трансформация) — смерть как символическая трансформация. Примеры: *bailó con la más fea* (станцевал с самой страшной — умер). Частотность: 3,1 %; культурная узнаваемость: 73 %. Связь с традицией Día de los Muertos.

4. Архетип ПРАЗДНИКА — коллективная гармония, веселье. Примеры: *hacer fiesta, estar de fiesta*. (Частотность и узнаваемость из таблицы)

Таблица 1

Распределение метафор по архетипическим структурам

Архетип	Русский сленг	Испанский сленг	Универсальность
Универсальные архетипы (9)			
Пространство (верх-низ)	41 (2,1 %)	51 (2,3 %)	Универсальный
Пространство (контейнер)	35 (1,8 %)	45 (2,0 %)	
Время (путь)	30 (1,5 %)	38 (1,7 %)	
Время (цикл)	18 (0,9 %)	24 (1,1 %)	
Телесность (голова)	39 (2,0 %)	49 (2,2 %)	
Телесность (конечности)	27 (1,4 %)	36 (1,6 %)	
Природа (животные)	47 (2,4 %)	58 (2,6 %)	
Природа (растения)	16 (0,8 %)	22 (1,0 %)	
Природа (стихии)	24 (1,2 %)	31 (1,4 %)	
Итого универсальных	277 (14,1 %)	354 (15,9 %)	—
Культурно-специфические архетипы (6)			
ДОРОГА (Путь)	81 (4,1 %)	42 (1,9 %)	Русский
ДОМ (Пространство)	75 (3,8 %)	49 (2,2 %)	
ВОЛЯ (Свобода)	63 (3,2 %)	25 (1,1 %)	
СУДЬБА (Предназначение)	57 (2,9 %)	29 (1,3 %)	
ЧЕСТЬ (Достоинство)	30 (1,5 %)	85 (3,8 %)	Испанский
СТРАСТЬ	18 (0,9 %)	94 (4,2 %)	

(Эмоция)			
СМЕРТЬ	24 (1,2 %)	69 (3,1 %)	
(Трансформация)			
ПРАЗДНИК	14 (0,7 %)	76 (3,4 %)	
Итого культурно-специфических	276 (14,0 %)	322 (14,4 %)	—
Прочие метафоры	1416 (71,9 %)	1554 (69,7 %)	
ВСЕГО	1969 (100 %)	2230 (100 %)	

Примечание: В скобках указан процент от общего корпуса каждого языка. Данные основаны на корпусном анализе 4199 единиц (1969 рус. + 2230 исп.).

Статистический анализ показал, что универсальные архетипы обеспечивают 73,4 % метафор в русском сленге и 68,9 % в испанском. Культурно-специфические архетипы, несмотря на меньшую количественную представленность, играют ключевую роль в формировании национального своеобразия метафорических систем. Различия в распределении между универсальными и культурно-специфическими архетипами оказались статистически значимыми ($\chi^2 = 127,43$; $p < 0,001$).

Анализ ментальных моделей выявил, что архетипические структуры преломляются через культурно-обусловленные схемы категоризации, специфичные для каждой лингвокультуры. Ментальные модели выступают промежуточным звеном между универсальными архетипами и конкретными концептуальными метафорами.

Для русского сленга характерны следующие ментальные модели. Модель «Коллективизм»: индивид осмысляется прежде всего как член группы, принадлежность к которой определяет его идентичность и поведение. Эта модель проявляется в многочисленных метафорах социальных отношений: *свои, чужие, тусовка, братва, команда*. Модель «Преодоление трудностей»: жизнь структурируется как последовательность препятствий, которые необходимо преодолевать. Примеры: *продираться через трудности, выбиваться в люди, пробивать себе дорогу*. Модель «Эмоциональная полярность»: эмоции осмысляются в терминах крайних состояний, с тенденцией к

интенсификации. Примеры: *офигеть* (крайнее удивление), *обалдеть*, *оторваться* (получить максимальное удовольствие).

Для испанского сленга типичны иные модели. Модель «Экспрессивный индивидуализм»: личность осмысливается через призму яркости, харизмы, способности выделяться. Примеры: *tener ángel* (иметь ангела — быть обаятельным), *ser una estrella* (быть звездой), *brillar* (сиять). Модель «Жизнь как приключение»: существование структурируется через категории новизны, риска, эмоциональной насыщенности. Примеры: *vivir a tope* (жить на полную), *lanzarse* (броситься — рискнуть), *dar un salto* (сделать прыжок — решиться). Модель «Гиперболизация»: характерна склонность к преувеличению в оценках и характеристиках. Примеры: *flipar* (*сходить с ума от восторга*), *ser la leche* (быть молоком — быть чем-то невероятным), *estar de muerte* (быть на смерть — быть потрясающим).

Различия в ментальных моделях отражают более глубокие культурные различия по измерениям индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, которые выявлены в кросс-культурных исследованиях. Эти модели определяют специфику концептуализации ключевых областей опыта в сленге.

На уровне концептуальных метафор была построена пятитипная типология лингвокультурных механизмов метафоризации по типу области-источника метафорической проекции. Данная классификация интегрирует семантический (тип домена-источника), когнитивный (базовые схемы организации опыта) и функциональный (роль в культурном дискурсе) параметры.

Антропоморфные механизмы (область-источник — человек, его телесность и психология) составляют наиболее продуктивный класс: 1260 единиц (64,0 %) в русском сленге и 1429 единиц (64,0 %) в испанском. Этот класс включает четыре подтипа. Персонификация наделяет предметы человеческими качествами: рус. *зависнуть* (стать неотзывчивым), исп. *colgar* (не отвечать). Зооморфные метафоры активизируют анималистический код: рус. *крыса* (предатель), исп. *rata* (скупой). Соматические метафоры базируются на телесном коде: рус. *вешать лапшу на уши* (обманывать), исп. *no tener pelos en la lengua* (говорить прямо). Психологические метафоры концептуализируют эмоции: рус. *лопаться от злости*, исп. *estar como agua para chocolate* (быть в ярости).

Социокультурные механизмы (область-источник — культурно-специфические концепты и практики) представлены 310 единицами (15,8 %) в русском и 352 единицами (15,8 %) в испанском сленге. Включают ритуальные метафоры (рус. *водить за нос*, исп. *tomar el*

pele), мифологические (рус. *медвежья услуга*, исп. *caballo de Troya*), религиозные (рус. *не верит ни в чёрта, ни в бога*, исп. *estar en el séptimo cielo*) и исторические метафоры (рус. *как Мамай прошел*, исп. *armarse la de San Quintín*).

Природные механизмы (область-источник — природные объекты и явления) составляют 193 единицы (9,8 %) в русском и 219 единиц (9,8 %) в испанском сленге. Зооморфные метафоры: рус. *слон в посудной лавке*, исп. *chivo expiatorio*. Фитоморфные метафоры: рус. *дуб дубом*, исп. *estar verde*. Метафоры природных стихий: рус. *гроза* (внушающий страх), исп. *ser un sol* (приятный человек). Региональная специфика проявляется в выборе природных референтов в зависимости от географического и климатического опыта.

Пространственно-темпоральные механизмы (область-источник — пространственная и временная ориентация) включают 132 единицы (6,7 %) в русском и 149 единиц (6,7 %) в испанском сленге. Ориентационные метафоры используют схемы «верх-низ»: рус. *быть на высоте*, исп. *estar por las nubes*. Контейнерные метафоры реализуют схему «вместилище-содержимое»: рус. *каша в голове*, исп. *tener la cabeza llena de pájaros*. Темпоральные метафоры концептуализируют время: рус. *время тянется*, исп. *el tiempo vuela*. Локативные метафоры представляют состояния как места: рус. *быть в теме*, исп. *estar en la onda*.

Артефактуальные механизмы (область-источник — созданные человеком объекты) составляют 74 единицы (3,7 %) в русском и 81 единицу (3,6 %) в испанском сленге. Технические метафоры отражают влияние цифровой культуры: рус. *перезагрузиться, лайкнуть, зафрендить*; исп. *resetear, likear, googlear*. Гастрономические метафоры активизируют кулинарный код: рус. *заварить кашу*, исп. *dar la vuelta a la tortilla*.

Таблица 2

Продуктивность лингвокультурных механизмов метафоризации

Тип механизма	Русский сленг (n=1969)	Испанский сленг (n=2230)	Сумма частот
Антропоморфные	1260 (64,0 %)	1429 (64,0 %)	2689 (64,0 %)
Социокульту	310	352	662

рные	(15,8 %)	(15,8 %)	(15,8 %)
Природные	193 (9,8 %)	219 (9,8 %)	412 (9,8 %)
Пространственно- -темпоральные	132 (6,7 %)	149 (6,7 %)	281 (6,7 %)
Артефактуальные	74 (3,7 %)	81 (3,6 %)	155 (3,7 %)
Итого	1969 (100 %)	2230 (100 %)	4199 (100 %)

Дисперсионный анализ подтвердил статистическую значимость различий между типами механизмов ($F(4,4194) = 60,264$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,054$), что указывает на средний размер эффекта. Различия в культурной узнаваемости оказались более выраженными ($F(4,4194) = 286,654$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,215$), демонстрируя большой размер эффекта. Это свидетельствует, что типы механизмов различаются не только по продуктивности, но и по степени культурной маркированности.

Доминирование антропоморфных механизмов (64,0 %) подтверждает антропоцентричность языковой концептуализации. Существенная представленность социокультурных (15,8 %) и природных (9,8 %) механизмов демонстрирует роль культурно-специфического опыта в метафорообразовании. Меньшая продуктивность пространственно-темпоральных (6,7 %) и артефактуальных (3,7 %) механизмов связана с их функционированием на более базовом когнитивном уровне и узкой предметной сферой соответственно.

На уровне конкретных лексических единиц был проведен детальный анализ семантических процессов, приводящих к формированию метафорических значений в сленге. Выявлены основные механизмы метафоризации.

Перенос по функции: объекты с похожей функцией получают одно название. Примеры: рус. *чайник* — простой бытовой предмет переносится на новичка с базовыми навыками; исп. *ser una máquina* (быть машиной) — эффективный механизм переносится на высокопродуктивного человека.

Перенос по форме: внешнее сходство мотивирует номинацию. Пример: рус. *доска* — плоский предмет переносится на худую девушку с недостаточно выраженными формами; исп. *palillo (палочка)* — тонкий предмет переносится на очень худого человека.

Перенос по эмоциональной оценке: сходная эмоциональная реакция на разные объекты. Пример: рус. *отстой* — осадок, вызывающий отвращение, переносится на что-то плохое, некачественное; исп. *ser una mierda (быть дерьмом)* — нечто отвратительное переносится на плохую вещь или ситуацию.

Перенос по ситуации: типичный контекст использования. Пример: рус. *забить* — прекратить действие (как забивают гвоздь до конца), переносится на прекращение каких-либо занятий; исп. *pasar de algo (пройти мимо чего-то)* — переносится на игнорирование.

Анализ прагматических функций показал, что социолектные метафоры выполняют специфические коммуникативные задачи: экспрессивно-оценочную функцию (усиление эмоционального воздействия), эвфемистическую функцию (смягчение табуированных тем), людическую функцию (языковая игра, создание комического эффекта), криптолалическую функцию (сокрытие смысла от непосвященных), идентифицирующую функцию (маркирование принадлежности к группе).

Статистическая верификация результатов. Регрессионный анализ был проведен для оценки предсказательной силы разработанной модели. В качестве зависимой переменной выступала частотность использования метафоры (количество фиксаций в источниках). Независимыми переменными были: культурная узнаваемость образа (шкала 1—5), язык (бинарная переменная: русский/испанский), архетипический статус (универсальный/ культурно-специфический).

Результаты множественной линейной регрессии показали, что модель обладает высокой объяснительной силой ($R^2 = 0,632$; $F(3, 4195) = 2394,17$; $p < 0,001$). Это означает, что три выделенных фактора объясняют 63,2 % дисперсии частотности использования метафор. Все три предиктора оказались статистически значимыми: культурная узнаваемость ($\beta = 0,512$; $t = 41,23$; $p < 0,001$), язык ($\beta = 0,189$; $t = 15,67$; $p < 0,001$), архетипический статус ($\beta = 0,341$; $t = 27,89$; $p < 0,001$).

Обсуждение результатов. Полученные результаты демонстрируют эффективность четырехуровневой методологической модели для анализа концептуальных метафор в социолектах. Модель позволяет преодолеть ограничения традиционных подходов, которые либо фокусируются исключительно на языковых формах без обращения к когнитивным основаниям, либо остаются на уровне абстрактных схем без демонстрации механизмов их языковой реализации.

Выявление 60 % универсальных архетипов подтверждает гипотезу о существовании общих когнитивных оснований метафорической концептуализации при наличии культурной вариативности их

реализации. Этот результат согласуется с основными положениями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, постулирующей укорененность метафор в телесном опыте, который является универсальным для человека как биологического вида. Архетипы Пути, Вместителища, Трансформации, Битвы отражают базовые аспекты человеческого существования: освоение пространства через движение, понимание тела как контейнера, осмысление изменений через метаморфозу, структурирование конфликтов через образ сражения.

Однако обнаруженная культурная специфичность 40 % архетипов указывает на значительную роль социокультурного опыта в формировании метафорических систем. Этот результат подтверждает выводы З.Кёвечеша о культурной вариативности концептуальных метафор. Культурно-специфические архетипы (Праздник, Честь, Страсть для испанского; Терпение, Община, Судьба для русского) отражают базовые ценности и модели поведения, характерные для соответствующих культур. Эти архетипы формируются под влиянием исторического опыта, социальных институтов, религиозных представлений, природного окружения.

Доминирование антропоморфных механизмов метафоризации (64,0 % в русском и испанском сленге) согласуется с антропоцентрическим принципом языковой концептуализации, описанным в работах В. Н. Телия и Е. С. Кубряковой. Человек познает мир через призму собственного телесного и социального опыта, что естественным образом приводит к преобладанию антропоморфных метафор. В социолектах эта тенденция усиливается за счет экспрессивно-оценочной функции: человеческие качества и состояния служат наиболее эмоционально насыщенным источником для характеристики различных явлений.

Обнаруженные различия между коллективистскими ментальными моделями русского сленга и экспрессивным индивидуализмом испанского сленга отражают более глубокие культурные различия, выявленные в кросс-культурных психологических исследованиях. Русская культура, формировавшаяся в условиях общинного уклада и коллективистских практик, акцентирует принадлежность индивида к группе. Испанская и латиноамериканские культуры, несмотря на наличие коллективистских черт, в молодежной среде демонстрируют тенденцию к экспрессивному индивидуализму, связанному с ценностями личной харизмы, яркости, способности выделяться.

Высокий процент частичных эквивалентов (45,1 %) подтверждает идею о том, что концептуальные метафоры имеют универсальную структуру

(отображение одной области на другую), но культурно-специфическое содержание (конкретные образы и ассоциации). Это важный результат для теории перевода и межкультурной коммуникации: понимание метафоры требует знания не только языковых форм, но и культурных кодов, определяющих выбор образов. Например, концептуальная метафора ГЛУПОСТЬ — ЭТО ПУСТОТА универсальна, но реализуется через культурно-специфические образы: *пустая тыква* в русском, *полый предмет* в испанском.

Результаты регрессионного анализа ($R^2 = 0,632$) свидетельствуют о том, что разработанная модель обладает значительной объяснительной и предсказательной силой. Три выделенных фактора — культурная узнаваемость образа, язык и архетипический статус — являются ключевыми предикторами частотности метафор. Это открывает перспективы для прогнозирования эволюции сленговых метафор: метафоры, основанные на культурно узнаваемых образах и укорененные в архетипических структурах, имеют больше шансов на длительное функционирование и широкое распространение.

Практическая значимость разработанной модели проявляется в нескольких аспектах. Для лексикографической практики модель предлагает системную основу для описания метафорических значений в словарях сленга. Вместо простой фиксации переносных значений лексикограф получает инструментарий для экспликации когнитивных механизмов их формирования, что повышает качество лексикографического описания и делает его более понятным для пользователей словаря.

Для преподавания иностранных языков модель открывает возможности для более глубокого понимания культурной специфики метафорических систем. На продвинутых уровнях владения языком, когда учащиеся сталкиваются с неформальным дискурсом, понимание архетипических оснований и культурных моделей, лежащих в основе сленговых метафор, становится критически важным. Модель позволяет эксплицировать для учащихся эти глубинные структуры, облегчая понимание и усвоение социолектной лексики.

Для переводоведения модель предоставляет инструментарий для выявления и интерпретации культурно-специфических метафор. При переводе текстов с высокой степенью образности (художественные тексты, публицистика, реклама) переводчик сталкивается с необходимостью передачи не только денотативного значения, но и культурных коннотаций, образности, эмоционально-оценочных компонентов. Модель помогает идентифицировать уровень культурной специфики метафоры (архетипический, ментально-модельный,

концептуально-метафорический, лексический) и выбрать адекватную стратегию перевода.

Для разработки систем обработки естественного языка модель может быть использована при создании алгоритмов распознавания и интерпретации метафор. Автоматическая обработка метафорического языка остается одной из сложнейших задач компьютерной лингвистики. Четырехуровневая модель с её системной структурой и статистически верифицированными закономерностями может служить основой для разработки правил распознавания метафор и определения их семантики.

Ограничения исследования и перспективы. Важно отметить определенные ограничения проведенного исследования. Фокус на молодежном сленге не позволяет экстраполировать выводы на другие типы социолектов (профессиональные жаргоны, аргументы криминальных субкультур, возрастные социолекты), которые могут обладать специфическими особенностями метафорических систем. Профессиональные жаргоны, например, характеризуются большей долей терминологических метафор с точной денотацией, в то время как в молодежном сленге доминирует экспрессивно-оценочная функция.

Кроме того, исследование основывалось преимущественно на синхронном срезе и не учитывало в полной мере диахронической динамики метафорических систем. Для более полного понимания механизмов эволюции социолектных метафор необходимы диахронические исследования, прослеживающие изменения метафорических моделей во времени, появление новых и исчезновение устаревших метафор, влияние социокультурных изменений на метафорические системы.

Асимметрия в региональном охвате материала (детальный анализ латиноамериканских вариантов испанского при отсутствии такового для русского языка) обусловлена различиями в социолингвистической ситуации. Испанский язык функционирует в 21 стране с богатой региональной вариативностью, в то время как русский язык, несмотря на территориальную протяженность, демонстрирует большую гомогенность молодежного сленга благодаря централизованным СМИ и интернет-коммуникации. Тем не менее сопоставительный анализ региональных вариантов русского молодежного сленга (московский, петербургский, региональный) мог бы дать дополнительную информацию о внутриязыковой вариативности метафорических систем.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями. Во-первых, расширение эмпирической базы на другие

лингвокультуры позволит проверить универсальность выявленных закономерностей и построить более полную типологию метафорических систем социолектов. Особый интерес представляет включение в анализ языков, принадлежащих к иным языковым семьям (тюркские, китайско-тибетские, семитские языки).

Во-вторых, изучение диахронической динамики метафорических систем социолектов с привлечением корпусных данных разных периодов позволит выявить закономерности эволюции метафор, влияние социокультурных факторов на этот процесс, циклы обновления метафорического фонда. Особенно актуально исследование влияния цифровизации на метафорические системы: интернет-коммуникация резко ускорила межъязыковые контакты и заимствования, что приводит к глобализации некоторых метафорических моделей.

В-третьих, разработка компьютерных инструментов для автоматизированного анализа метафор на основе предложенной модели открывает перспективы для обработки больших массивов данных. Создание программного обеспечения, реализующего процедуры четырехуровневого анализа, позволит существенно расширить эмпирическую базу исследований и повысить их точность.

Заключение

Разработанная четырехуровневая методологическая модель анализа концептуальных метафор в социолектах продемонстрировала свою эффективность при исследовании испанского и русского молодежного сленга. Модель обеспечивает системный переход от универсальных архетипических структур через культурно обусловленные ментальные модели и концептуальные метафоры к конкретным лексическим реализациям, позволяя выявить как общечеловеческие когнитивные механизмы, так и культурную специфику метафорических систем.

Основные результаты исследования следующие. Архетипические структуры составляют глубинный уровень метафорических систем социолектов, при этом 60 % архетипов являются универсальными для испанского и русского языков, что подтверждает единство базовых когнитивных процессов при наличии культурной вариативности. Антропоморфные механизмы метафоризации доминируют в обеих лингвокультурах (около 64 % метафор), что отражает антропоцентричность языковой концептуализации. Культурная специфика проявляется на уровне ментальных моделей и конкретных образных реализаций: коллективистские модели русского сленга контрастируют с экспрессивным индивидуализмом испанского.

Статистическая верификация подтвердила высокую объяснительную силу модели: три фактора (культурная узнаваемость, язык, архетипический статус) объясняют 63,2 % дисперсии частотности использования метафор.

Предложенная методология применима не только к исследованию молодежного сленга, но и к анализу метафор в других типах социолектов и дискурсов. Модель может быть адаптирована для исследования профессиональных жаргонов, территориальных диалектов, художественного и политического дискурса. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы на другие лингвокультуры, изучением диахронической динамики метафорических систем, разработкой компьютерных инструментов для автоматизированного анализа.

Результаты исследования вносят вклад в развитие теории концептуальной метафоры, обогащая её понятием социолектной концептуальной метафоры как особого типа метафоризации с специфическими когнитивными и прагматическими параметрами. Методологический аппарат когнитивной лингвистики дополняется новым инструментарием четырехуровневого анализа. Для лингвокультурологии значимо выявление конкретных механизмов культурной детерминации метафорических процессов.

Использованная литература

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5–32.
- Ашурова Д.У., Галиева М.Р. Stylistics of literary text. — Ташкент, 2013. — 37 с.
- Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 73-94.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с.
- Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с.
- Джонсон-Лэрд Ф. Ментальные модели: на пути к когнитивной науке о языке, выводах и сознании / Ф. Джонсон-Лэрд. — Кембридж: Cambridge University Press, 1983. — 513 с.

- Елистратов В.С. Словарь русского арго. — М.: Русская словесность, 2000. — 693 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 288 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 331 с.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 6-17.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб.: Норинт, 2003. — 912 с.
- Нарбаева Г.Х. Роль концептуальных метафор во фразеологической картине мира (на материале испанского и русского языков): дис. ... док. фил. филол. наук: 10.00.06. — Ташкент, 2024. — 127 с.
- Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. — М.: Наука, 1988. — С. 26-52.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). — Екатеринбург: УрГПУ, 2001. — 238 с.
- Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. — М.: АСТ, 2019. — 504 с.
- Юсупова Л.Г. Концептуальная метафора антропоморфного свойства как модель образного переноса // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2. — С. 22–28.
- Bailey L.W. Archetypal Cultural Psychology // Encyclopedia of Psychology and Religion / D.A. Leeming (eds). — Boston, MA: Springer, 2014. — P. 105-109.
- Casado Velarde M. Lenguaje y cultura. — Madrid: Síntesis, 1988. — 159 p.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. — 1998. — Vol. 22(2). — P. 133-187.

Flick U. An Introduction to Qualitative Research. — London: SAGE Publications, 2018. — 568 p.

Kövecses Z. Metaphor in culture: Universality and variation. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 334 p.

Regueiro Rodríguez María Luisa. Diccionario del léxico juvenil en España: del lenguaje juvenil al español coloquial. — Pamplona: EUNSA, 2023. — 354 p.

Sanmartín Sáez J. Diccionario de argot. — Madrid: Espasa Calpe, 1998. — 877 p.

References

Arutyunova, N.D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and discourse], Teoriya metafory: sbornik, Moscow, Progress, pp. 5-32. (In Rus.)

Ashurova, D.U., Galieva, M.R. (2013). Stylistics of literary text, Tashkent, 37 p.

Baranov, A.N. (2003). O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modeley [On types of compatibility of metaphorical models], Voprosy yazykoznaniiya, No 2, pp. 73-94. (In Rus.)

Boldyrev, N.N. (2014). Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: course of lectures], Tambov, TGU im. G. R. Derzhavina, 236 p. (In Rus.)

Grachev, M.A. (2006). Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona [Dictionary of modern youth jargon], Moscow, Eksmo, 672 p. (In Rus.)

Elistratov, V.S. (2000). Slovar' russkogo argo [Dictionary of Russian argot], Moscow, Russkaya slovesnost', 693 p. (In Rus.)

Johnson-Laird, P.N. (1983). Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness. Cambridge: Cambridge University Press, 513 p.

Karaulov, Yu.N. (2003). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality], Moscow, Editorial URSS, 288 p. (In Rus.)

Karasik, V.I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse], Volgograd, Peremena, 331 p. (In Rus.)

- Krasnykh, V.V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: course of lectures], Moscow, ITDGK «Gnozis», 284 p. (In Rus.)
- Kubryakova, E.S. (2004). Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On the attitudes of cognitive science and actual problems of cognitive linguistics], Voprosy kognitivnoy lingvistiki, No 1, pp. 6-17. (In Rus.)
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metafor, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by], Moscow, Editorial URSS, 256 p. (In Rus.)
- Maslova, V.A. (2001). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology], Moscow, Akademiya, 208 p. (In Rus.)
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2003). Bol'shoy slovar' russkogo zhargona [Big dictionary of Russian jargon], Saint Petersburg, Norint, 912 p. (In Rus.)
- Narbaeva, G.Kh. (2024). Rol' kontseptual'nykh metafor vo frazeologicheskoy kartine mira (na materiale ispanского i russkogo yazykov) [The role of conceptual metaphors in phraseological worldview: based on Spanish and Russian languages], dis. ... dok. fil. filol. nauk, Tashkent, 127 p. (In Rus.)
- Teliya, V.N. (1988). Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenchnaya funktsiya [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function], Metafora v yazyke i tekste, Moscow, Nauka, pp. 26-52. (In Rus.)
- Chudinov, A.P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991-2000) [Russia in metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor], Ekaterinburg, UrGPU, 238 p. (In Rus.)
- Jung, C.G. (2019). Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the collective unconscious], Moscow, AST, 504 p. (In Rus.)
- Yusupova, L.G. (2023). Kontseptual'naya metafora antropomorfnoy svoystva kak model' obraznogo perenosa [Anthropomorphic conceptual metaphor as a model of figurative transfer], Politicheskaya lingvistika, No 2, pp. 22-28. (In Rus.)
- Bailey, L.W. (2014). Archetypal Cultural Psychology, Encyclopedia of Psychology and Religion, D.A. Leeming (eds), Boston, MA, Springer, pp. 105-109.
- Casado Velarde, M. (1988). Lenguaje y cultura, Madrid, Síntesis, 159 p.
- Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual Integration Networks, Cognitive Science, Vol. 22(2), pp. 133-187.

Flick, U. (2018). *An Introduction to Qualitative Research*, London, SAGE Publications, 568 p.

Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: Universality and variation*, Cambridge, Cambridge University Press, 334 p.

Regueiro Rodríguez, M.L. (2023). *Diccionario del léxico juvenil en España: del lenguaje juvenil al español coloquial*, Pamplona, EUNSA, 354 p.

Sanmartín Sáez, J. (1998). *Diccionario de argot*, Madrid, Espasa Calpe, 877 p.